

Герой — наш земляк

Первое известие о земляке пришло из Мордовской АССР, от краеведа-любителя, члена Союза журналистов Д. И. Лазаренко. Он нашел имя В. И. Кожанова в выпущенной недавно Воениздатом первой книге краткого биографического словаря «Герои Советского Союза» и сообщил об этом на родину героя. С этого письма и начался поиск.

1. Первая медаль

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

немцев залечь. Надо их выгонять, а нечем. Остался только комендантский взвод — человек тридцать, наверное. Собрал их всех, поставил задачу. Мол, к нам в тыл прорвались немцы, надо их отогнать. И вместе с ними пошел в атаку. Было это подо Ржевом. Я был командиром полка, капитаном. Атака прошла удачно, за участие в ней я получил медаль «За отвагу».

Эта медаль в 41—42-м годах по статусу приравнивалась к ордену и вручалась только самым отважным и отчаянным бойцам, в основном солдатам. Гордился этой наградой кадровый армейский офицер Василий Кожанов не менее, чем по-

лученным в начале 43-го года за боевые действия под Москвой одним из высших офицерских орденов — Суворова третьей степени.

— Летом 43-го года — к тому времени я уже был заместителем командира дивизии, полковником, — послали меня учиться на десятимесячные курсы, — Василий Иванович улыбается. — Так меня часто останавливали на улице и спрашивали: как это вы заслужили такие награды? Такие высокие и такие разные по рангам.

(Продолжение следует).

В. МИНУЛЛИНА,
наш спецкорр.
Магнитогорск — Москва —
Магнитогорск.

СЫНОВЕЙ

засласть мужественной женщиной, настоящей солдатской матерью: даже дома не позволяет себе расслабиться. Но предательская влага все набегаем и набегаем на глаза.

— А Олег и Игорь пишут по очереди. Эти все подробно описывают. Осталось тоже немного ждать — в декабре придут.

Я смотрю на их фотографии и все силюсь отличить: где Олег и где Игорь? Близнецы они и есть близнецы — точная копия друг друга.

— Нет, что вы, разные они, — не соглашается со мной Раиса Михайловна, пытаюсь открыть мне все различия братьев. — А вот недавно прислали из части, где ребята служат.

Раиса Михайловна протягивает мне две совершенно одинаковые фотографии, на которых подтянутый браво солдат стоит с автоматом на фоне развернутого знамени. Прочитав надпись на обороте, поняла, что это не копии, а фотографии каждого из братьев Дробитько. Право сфотографироваться у развернутого Знамени части удостоены Олег и Игорь

за добросовестное выполнение своего долга. Братья Дробитько — отличники боевой и политической подготовки.

— Дружными росли ребята, не видели мы ни драк меж собой, ни в уличных «боях» не участвовали. Да и некогда им, наверное, было. С первого класса все трое ходили в детскую спортивную школу, старшекласниками занимались в классе со спортивным уклоном. Бокс, фехтование, лыжи, фотографии — вот неполный перечень их увлечений. В общем, хорошо ребята были подготовлены к армии, — Владимир Демьянович говорит это с явным удовольствием и гордостью.

— Крепкими ребята росли, не болели. Никто из троих не курит, до армии спиртного не пробовали, — дополняет Раиса Михайловна. — Сами себя всегда обслуживали: полы в своих комнатах мыли, в магазин ходили за продуктами. Правда, спорили иной раз: чья очередь. Спорт-спорят, а потом вместе пойдут. Не могут друг без друга, особенно младшие. Всегда вместе: в школе, в 13-м училище, от военкомата школы

ГОРЬКИЙ СЛЕД

...Давно заросли лесами и травами окопы и траншеи. Распаханы и засеяны хлебами поля, некогда изрытые воронками. Трудно, но заживают постепенно раны земные. А как быть с душевными, с теми, которые ни годы, ни расстояния не берут, не смягчают?..

...Давно, очень давно был в украинских степях хутор Раирово. Располагался он где-то между Мариуполем и Юзовкой (Ждановом и Донецком). Несколько хаток, рядом небольшой ставок — запруда, где брали воду для стирки, где уютно плавали утки, гуси, да чуть ли не беспризорная ребятня тех, чьи хатки стояли неподалеку.

Хатки — все с соломенными крышами, верба над ставком — идиллия, да и только. Но сказка эта жила в ребячьих глазах. Взрослые видели и воспринимали все иначе: голод, оторванность от большой жизни (в хуторе — ни радио, ни газет, слова «эроплан» не знали...). Видели тощую, оборванную, грязную ребятню свою...

Чуть в стороне от хутора росла такая поляна — взрослому впору затеряться. В этих «джунглях» водились волки, но людей не трогали.

Война громыхла где-то далеко, в стороне. И мы, ребятня, попросту не замечали поначалу ее, грозно и немолимо приближающуюся к хутору. Почувствовали ее только тогда, когда на запад, с востока устремился нескончаемый поток крытых, на высоких колесах, повозок.

— Колонистов с Поволжья выселяют, — авторитетно заявил дед, который всегда и все на свете знал, что делало его авторитет на хуторе непрекаемым.

Пришло время, и пришлось нам, голопузым, взрослым: заявился фашист. Это — не волк. Он, дойдя до нас, уверовал, что жить на этой земле можно безбедно, безобразничать можно безгранично — кто ему отпор даст, вот, скажем, у нас на хуторе? Одни женщины, дети да старики остались... Перво-наперво нас из хаток — прочь, в поляны. Пришлось нам там обживать, как волчатам...

Но выжили, и даже дождались той осени, когда фашистов погнали в обратную сторону: туда, где солнце садится за дальними куренями и где, как говорила бабка Ульяна, край света.

Та осень была мокрая, дождливая — ни пройти, ни проехать. А немца гнали в шею, гнали так, что он озверел. И в один из дней весь хутор снялся тихонько и подался в одну из одиночавших лесопосадок за дальними буграми: авось, уцелеем... Весь вечер и всю ночь слышали мы немецкую брань, крики. Фашисты остервенело стегали вусмерть загнанных лошадей, тащивших непомерно тяжелый груз: пушки, походные кухни, телеги с награбленным... Обессилевших лошадей пристреливали тут же, у до-

роги. А груз цепляли к танкам и танкеткам...

Дождь хлестал, горланили немцы, грохотали танки. Мы жались к подвалам матерей и бабок, они укрывали нас, старались обогреть, и не было, казалось тогда, защиты надежней материнских рук...

Фашист уходил, радовались мы. Но не знали тогда, что испытания наши еще не кончились.

Пришла и прошла еще одна голодная зима, за ней надеждой затеплилась весна. Снега сошли быстро, зачернели поля, вербы зазеленели. Родители наши — в поле, надо пахать заждавшуюся землю. А мы носились по округе. Кто снаряд найдет, кто мину, а кто и ленту с настоящими патронами от пулемета. Тащили это богатство к хутору, разбирали, везде совали свои носы... До сих пор память хранит сладковатый запах плавающего тола — в костер бросали... Шныряли в оврагах, бросали гранаты с длинными ручками в трупы раздувшихся лошадей, швыряли в костры пулеметные ленты — а сами убегали в убежище, наблюдая, как они рвутся и разносят в пыль полынное пламя. Не чуяли мы тогда беды, которая стояла совсем рядом.

Я по малости своей был тогда на «подхвате»: где что найти или подать, мне гранаты бросать не разрешали. А ребята постарше — те «расправлялись» с найденными сокровищами: заряжали, поджигали, взрывали... Пороха было хоть отбавляй. Как-то раз надоело нам его просто так тратить. Кто-то из старших сообразил из сплюснутой с одного конца трубы смастерить «ружье». Самая большая труба оказалась в руках у Вити Кривоноса. От того авторитет у мальчишки сразу поднялся несказанно.

Взрослые нас и гоняли, и ругали за это, но добились только одного: подались мы подальше от них, на вспаханые поля, и там благополучно «бухали» из своего «оружия». Сначала испробовали все виды пороха: «макаронный» не подошел, рассыпной — забраковали. Остановились на минометном, распакованном в мешочки. Азарт рос после каждого выстрела, и постепенно вместо одного мешочка с порохом стали мы закладывать в «мортиру» по два, а то и по три.

Витя держал трубу-мортиру обеими руками, сплюснутый конец прижимая к груди, как приклад. Весеннее тепло блаженно растекалось над пашней, а мы салютовали мирной синей выси из своего «самоходного» самодельного оружия...

И вот в ствол заложили еще один дополнительный мешочек. Поднесена спичка — раздался взрыв и наш такой же взрывной крик радости от удачного выстрела, в честь главного бом-

(Окончание на 4-й стр.)

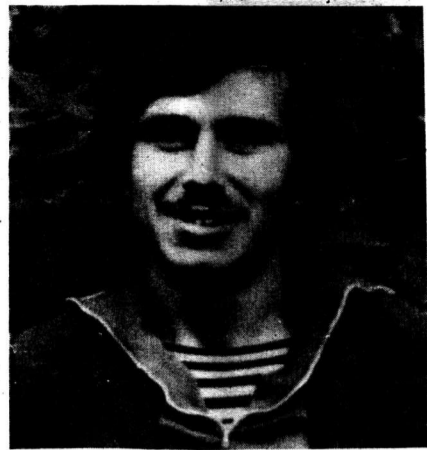
шоферов закончили до армии, а сейчас вот служат вместе, даже койки в казарме рядом стоят. Картошка была на их попечении: копали землю, садили, пропалывали, выкапывали — все это их обязанность была. Довольны мы ребятами, что тут скажешь. — Раиса Михайловна оглядывается на мужа, Владимир Демьянович сдержанно улыбается, но чувствуется — такого же мнения.

— И вот еще недавно прислали. — Раиса Михайловна протягивает мне красные корочки благодарственного письма из части Игоря и Олега.

«Выражаем сердечную благодарность Вам за то, что Вы вырастили, воспитали и дали Советской Армии надежных защитников священных рубежей нашей социалистической Родины».

Мы присоединяемся к этим словам. Лучше и точнее не скажешь. И сегодня, отмечая большой праздник нашего народа — День Победы, мы уверены: мир, завоеванный в сорок пятом нашими отцами и дедами, в надежных руках наших сыновей. Таких, как братья Дробитько.

Н. БАРИНОВА.

Виталий Цыганков,
рабочий
трамвайного
управления

ЗДЕСЬ ТИШИНА...

Так тяжело, что в землю врос ногами. Так больно — не желал бы и врагу!.. Твоя звезда взметнулась над снегами, И розы кровенеют на снегу.

Ты утверждал, что лучше смерть со славой, Ты был всех нас и чище, и добрей... Здесь тишина. Горит закат кровавый. И пламенеют грудки снегирей.

А там, на перевале, вновь туманы, Где твоя рота снова держит бой, Опять в кого-то целятся душманы, — Но не могу его закрыть собой.

...Здесь тишина. Нет скрежета металла, Не раздражает пух надсадный визг... Но только вот звезда в снега упала, Где рвется в небо звездный обелиск.

ОТЕЦ, Я ПОМНЮ!

Не отступал и не ходил в атаки, Не рыл окопы на живых полях, Я заживо не тлел в горящем танке, Не рвал в бреду бинты в госпиталях.

Да, папа, я все это не изведаль, Родившись в годы мирной тишины. Но с детских лет священный День Победы Считаю главным праздником страны.

Когда иных не в меру захвалили И оды резко выросли в цене, Ты мне читал Суркова и Джалиля, Чтоб я не верил сказкам о войне.

Отец, я помню Сталинград и Прагу, И страшный ад блокадного кольца, И яростный призыв: «Назад ни шагу!», И без вести пропавшего бойца.

Теперь уже и я намного старше Твоих друзей, принявших первый бой... Но слышать не могу лихие марши — Мне больше по душе сигнал «Отбой».

ЛУКЬЯНЫЧ

Сосед меха растягивает пьяно В потребу шумно скачущей толпе... Сюда бы гармониста-ветерана — Вот он бы нам сыграл! Вот он бы спел!

Эй, горлопаны, вы не замолчите ль? Не мучайте баян в конце концов! Мне вспомнился Лукьяныч — наш Учитель И лучший друг песчанских сорванцов.

Он был в поселке лучшим гармонистом, Точней, одним, оставшимся в живых. Лукьяныч не играл лихие вальсы, Не признавал ядреных плясовых,

Не рассыпался по заказу мелким бесом При виде замусоленных рублей... Но как он пел! Вы помните Бернеса, Его летящих в вечность «Журавлей»?

Лукьяныч пел, слезу смахнув украдкой, О славных черноморцах-моряхах. И, как живая, плакала трехрядка В дрожащих искаленных руках.

Лукьяныч нас учил держать литовку, Владеть рубанком, кистью, мастерком, Брать «языка», и собирать винтовку, И ловко рыть окоп одним штыком. Когда он пел «Смугляночку»

с присвистом Или «Землянку» вел, впадая в грусть, Наш дружный хор фальшивил голосисто, Все его песни зная наизусть.

И нам пришла пора надеть шинели, И охранять покой родной страны, И лишь тогда понять мы их сумели, Те песни, что еще споют сыны.

...Ты извини меня, сосед-ровесник, Но я бы не рискнул с тобой — в бой!.. Уходят люди — остаются песни. А что же ты оставишь за собой?!